

Самар от бури захвативших его чужих эмоций неверно заблокировал удар Мотивы и, споткнувшись, упал задницей на песок.

- Ты же видишь это? – Испуганно спросила его женщина. Она огляделась на своих соплеменников. Они двигались как-то замедленно, словно она и принц находились в особой не совсем реальной зоне.- Зачем тебе это? – Она внезапно замолчала, рассматривая соперника, - Ты что плачешь?

Высокоственец коснулся лица рукой. Действительно есть пара слез. Принц не просто видел это, он переживал все увиденное вместе с Мотивой. Все ее чувства. Ее боль. Боль о том, что ее неосмотрительная доброта привела к тому, что Угбек забил кулаками до смерти собственного отца. И пусть Кырген был тираничным наркоманом лишившийся человечности, но она все еще не простила себя. А в поведении Угбека не была к ней ненависти. Да он грубый, но он воин, а так же Кырген все детство травмировал его личность. Но он все равно любит Мотиву, как сестру. Он все еще помнит просьбу Аламира защищать ее. Самар просто был угрозой, и сейчас принцу стало стыдно за свои действия. Он обязательно еще раз встретиться с громилой и извиниться.

- Прости меня, – произнес Самар, поднявшись и снова берясь за оружие. – Но я все еще не увидел ответа.

***

После смерти Кыргена Торговец сказками больше не посещал меднокожих, и им предстояла тяжелая реабилитация. Аламир организовал в крепости больницу для соплеменников-наркоманов, где их силой удерживали в цепях пока красный песок не выйдет из их организма полностью. Лечение хоть и состояло лишь в воздержании, но являлось очень болезненной процедурой для привыкших к спайсу организмов. В определенные моменты большинство пациентов проклинали Аламира, но после излечения каждый приходил к нему в слезах с благодарностью. Самым сложным же было лечение Угбека. Отец его одного заставлял есть спайс сырым и красный песок проник в его тело столь глубоко, что даже породил Кровокожего. Монстра, в которого он превращался во время ломки, и только брат и Мотива могли его успокоить. Она лично ухаживала за Угбеком - кормила его, смывала спайс выделяемый кожей, обнимала и пела в самые сложные для него моменты.

Прячется зверь

В комнате этой.

Братик, поверь,

Я буду смелой.

Монстр не сможет

Прервать мою нить.

Он вовсе не хочет

Мне навредить.

Он грозно смотрит,

Цепи грызёт.

Пусть зверь уходит

С собой не зовёт

Братик дыши,

Гнев свой умерь.

Нет уже лжи,

Ты больше не зверь.

Угбек вылез из последнего, и на все это меднокожим понадобилось чуть более полутора лет. Естественно, после смерти Кыргена были освобождены все захваченные наследники, но никто из них не вернулся за мстью. Более того все они говорили примерно одно и тоже в ответ на намеки племен мстить за рабство:

- Дураки! Наша ненависть исчезла вместе с Кыргеном. Меднокожие уже отдали за грехи вождя-завоевателя больше, чем мы могли бы и просить. Его дети величайшие люди. Угбек символ любви и перерождения. Аламир икона мудрости и справедливости. И сейчас, когда меднокожие переживают столь сложный период наш долг помочь им.

И все наследники вождей, а кто-то уже, будучи вождем, приходили обратно в крепость с целью поклониться перед новым королем пустыни Салас и его советником. С тех пор вся дикая пустыня объединилась в едином мире и альянсе племен.

Наступили спокойные времена в Саласе. Угбек жил в крепости имея статус верховного вождя всех народов, и его задачей стало следить за соблюдением перемирия и движением горной воды. Кстати ценность, которой и стала причиной начала первой пустынной войны. Но если тогда пустынники бились за капли дождя, то теперь усилиями Аламира, а так же старейшин и умников всех племен были разработаны деревянные и глиняные трубы, что снабжали крепость непрерывающимся ручьем. Поток воды изменил окраину пустыни. Большинство племен бросила свои земли, и переселились вблизи крепости строя свои общинные дома. Когда же общинных домов стало много - трубы разветвили и в каждый дом пошел свой ручей. Домов становилось больше, и они строились ближе друг к другу, так крепость меднокожих превратилась в новый город под названием Край.

Край не входил в пятерку высокостенных городов по двум причинам. Первая - они были разделены друг от друга огромной пустыней, преодолеть которую высокостенцы не способны

без пустынников. Вторая же – у Края не было стен по периметру города. А зачем? По бокам и со спины их защищали горы, а спереди пустыня и племена, которые согласились жить дружно, но отдельно.

Одним из отдельных племен было племя Платов, в котором поселился Аламир с вернувшейся Мотивой. Пепельноволосые с радостью приняли у себя главного ученого и дипломата пустыни, который помимо желания вернуть жену домой, выбрал это место и по географическим соображениям. Из их племени было одинаково близко и к Краю и к остальным отдельным народам. Да и не привык Аламир жить в городе. Его суматоха мешала советнику писать книги, которыми он хотел изменить мир.

Аламир помнил Кровокожего. Ему не давало покоя, что порой разум бессилен против мощи. Что однажды его брату пришлось стать зверем, чтобы победить монстра. Аламир начал разрабатывать новый стиль боя, для которого не нужна сила, и который сможет победить врага с любой мощью, даже Безкожего. Ученый создавал стиль на основе всех техник боя народов и энергии движения противника. А так как сам Аламир был очень занят за бумагами, то испытателем его техники стала Мотива. Муж писал для нее новые приемы, а она воплощала их в жизнь, став первой последовательницей этого стиля.

Другой книгой Аламир пытался решить все конфликты известных ему народов. Как не раз говорилось, у каждого народа свое мировоззрение и своя правда. А также, помимо законов, существует религиозные различия. Он читал обо всех них. Размышлял и искал решения, что были бы все приемлемыми. Трактат поведения, который смог бы учесть все различия народов. Единый никого не притесняющий свод правил. Вы считаете это невозможно? А Аламир считает, что ученый это не тот, кто просто знает много наук, ученый должен делать невозможное повседневным. И лишь осознание того, что ты это совершил, позволит чувствовать себя действительно гением.

Но все же, невозможное даётся по-настоящему трудно. И однажды, решая очередную проблему, Аламир встал в этический тупик, касательно прав на месть. С одной стороны у него в жизни был самый яркий пример, с другой, что точно он должен был понять из этого урока? Проблему их семьи в действительности решил трагический, но удачный поворот. А как он должен был решить эту проблему сам?

- У высокостенцев любая месть вне закона. Но имею ли я – сын Кыргена, права устанавливать закон, запрещающий кровную месть? Какое-то лицемерие.

Мотива глубоко вздохнула, расстилая постель перед сном:

- Какая месть? Весь Салас тебя чуть ли не духом справедливости считает. – Жена подошла к ученому и стала его раздевать. – Ты не отец. Его поступки не твои. – Пепельноволосая обняла советника.

- Я не спорю, что мы разные, но по этике многих народов, а я в трактате беру это во внимание, наследники несут ответственность за действия любого из предков. Тем более родителей.

- Грехов много. - Мотива улыбнулась. Ох уж как этот мужчина любит самокопание. - Но если взвешивать ваши с Угбеком достижения и его грехи, вы победители. И вас любит вся пустыня. И я. - Женщина потянулась поцеловать мужа, но он вывернулся из объятий и не мог утихомириться.

- А что если есть один человек, который не знает о наших действиях или считает их недостаточными? Что если им движет не личное, а этическое чувство? - задавал вопросы ученый, уворачиваясь от обнимашек жены, - И каков срок на месть? Если он убьет меня сегодня - это законно? А завтра - преступление?

Мотива, уставшая от беготни и не поймавшая мужа, легла на кровать:

- Дуратский разговор.

- Извини, - Аламир лег рядом с ней и посмотрел в ее глаза, - Просто, если кто-то захочет меня убить, я бы его, наверное, понял.

- А я нет. - Подытожила пепельноволосая и, наконец, страстно поцеловала возлюбленного.

Пустынная ночь сколь недружелюбна на открытом пространстве, столь приятна в собственном доме на кровати под одеялом. Стены защищают от ветра, а одеяло от холода, превращая ночь в большую прохладную тень. А если при этом ты спишь на мягкой кровати рядом с любимым человеком, то ты сможешь вновь поспать, как младенец. Мотива любила за это ночи, но в этой было что-то не так.

Внезапно она почувствовала себя очень одинокой. В комнате стало намного холоднее, будто кто-то сорвал тканое полотно, выполняющее здесь роль двери. Она резко очнулась и увидела рядом с собой мятую подушку. Здесь кто-то спал? Знаете чувство, когда ты знаешь, что должен быть один в комнате, а кажется что кто-то еще тут. Так вот у Мотивы было наоборот. Она чувствует, что не должна быть одна, но тут никого нет. Подходя к столу, она увидела на полу мужскую одежду и стала припоминать.

« Точно, я замужем... Зааа.... Стой. У него есть имя... Его зовут...

Что происходит?»

Ее дом состоял из двух комнат. Приветствующим входящего в дом был кабинет _____ а, там у него был стол, писательские принадлежности и шкаф с книгами. Его комната была первой, потому что он часто принимал гостей из разных народов и общался с ними на тему этики. И возможно к нему пришел гость - вон и слабый свет лампы виден. Она размыто помнит, что он делал, но не помнит его. Сейчас она выйдет из спальни, зайдя в кабинет, увидит его, поймет какая она дурочка сонная и все будут нормально. Ведь так?

Тот, кого она увидела, точно не был ее мужем, и имя его она знала - Сафит - ее младший

братик. Даже несмотря на то, как сильно он изменился, она его узнала. Он вырос, окреп, и по шрамам на лице было видно, что наследник Платов прошел через большие трудности. Но самым удивительным было отсутствие каких-либо волос – лысый, без бровей и щетины. Это явно страдание организма, а не странный уход за внешностью. Он был одет в какие-то намотанные куски разных грязных тряпок. Правой рукой он держал за горло какого-то человека на коленях, а левой кинжал, которым пробил его грудь. Но это неважно – её брат вернулся! Живой из лап нестареющего торговца! Она улыбнулась ему и начала придумывать, как расскажет эту новость _____у, ну, то есть мужу.

«Это же наш верблюжник.» - щелкнул в голове Мотивы чей-то знакомый мужской голос.

- Сестренка, – отбросив тело, и подходя к ней с улыбкой, произнес Сафит.

Как часто она мечтала об этом моменте. Сперва она представляла, как он так же внезапно появиться в комнате служащих. Потом воображала, как он выйдет из-за колонны во время прогулки по двору крепости. Или что после смерти вождя-завоевателя появиться Торговец и вместо красного песка приведет братика. Но вот уже она отчаялась и прекратила надеяться.

«Я понимаю как вам тяжело» - признавался ей однажды _____.

- Братик, – она обняла его, не смотря на грязные лохмотья, и стала целовать в порезанную щеку. – Каким образом ты тут оказался? Хотя неважно. Ты дома!

Она так рада. Ей срочно нужно этой радостью поделиться с тем, кого она так же сильно любит, как и вернувшегося братика. Где он? Ладно, она на радостях ума лишилась, а куда он пропал?

«Что будет если, я исчезну?»

- А сама-то? – Сафит удивленно посмотрел на нее, – я приехал за припасами, а ты уже сбежала от меднокожих.

- Сбежала?

«Ты любишь меня?!» - это был крик, что вразумил Угбека. Что породил в нем сомнения в правильности происходящего.

Стоп. Она помнит имя его брата. Это не простая сонная забывчивость. Почему она помнит все кроме его имени и внешности? Пепельноволосая подозрительно отодвинулась от гостя.

- Все изменилось. – Шепотом промямлила Мотива. - Мы теперь состоим в альянсе с меднокожими.

«Это будет Единый, никого не притесняющий, свод правил. Надо будет еще придумать звучное название».

Его мечты и деяния. Уроки и любовь. Они тут, но где он?

- Какой еще альянс? Они же убили нашего отца. - Недоумевал Сафит.

Мотива отодвинулась от брата и подошла к телу, до которого ей почему-то не было до этого дела. До этого момента этот умирающий мужчина казался ей абсолютно неважным. Даже листок бумаги, одиноко валяющийся на полу, привлёк бы в ней внимание аккуратной домохозяйки. Но сейчас, чем тяжелее мужчина дышал, тем важнее казался он ей.

- Сестрёнка?

«Но имею ли я - сын Кыргена, права устанавливать закон, запрещающий кровную месть?»

Дыхание мужчины остановилось. Он умер. Пепельноволосая дотронулась до мертвого тела. Поправила его волосы. Эти губы. Внезапно из ее глаз пошли слезы.

- Что-то не так? - гость в лохмотьях подошел к ней сзади.

«А что если есть один человек, который не знает о наших действиях или считает их недостаточными?»

Что-то действительно не так. Братик откуда ты? Где ты был все это время? Какие новости о нас слышал? Почему ты убил этого человека? Как ты сделал это таким неважным? Кого ты убил у нее на глазах?

- А...ла...мир. - Ответ. Память об его имени внезапно вернулась с его смертью.

«Я бы его, наверное, понял» - последнее, что Мотива слышала от своего возлюбленного.

«А я нет.» - голос в ее голове внезапно изменился на ее собственный.

Сафит покопался в складках своей грязной одежды и извлек плохо сшитую стопку листов из запасухи. И суматошно начал их листать, ища что-то определенное:

- Ты не представляешь, как много мне показал Марис, ну тот Торговец Сказками. И он не плохой человек, скорее сложный. - Настроение убийцы советника явно увеличилось.

Пепельноволосая посмотрела на брата, на его радость, и достала кинжал из груди мужа.

- Я видел сотни духов, многие из них красивые, а некоторые опасные - после этих слов гость потер забинтованную руку. - Но больше все же удивительные.

Братишка нашел, наконец, нужное страницу и начал уже протягивать дневник, как женщина резко вскочила и попыталась полоснуть его кинжалом, но Сафит увернулся лишь выронив свои записи.

- Что ты творишь?! - испуганно крикнул убийца

- Я любила его! Это мой муж!

- Но он же меднокожий, - не понимал брат - более того я его помню. Это младший сын Кыргена.

Мотива, конечно же любила брата, но отчаяние и потеря любимого пошатнули ее. Она думала, что все. Больше наследие вождя-завоевателя не тронет ее. Что после перемирия и создание альянса меднокожие избавились от собственного проклятия. Что теперь благодаря Аламиру ей не придется плакать. Никогда.

Правильно. Она не должна плакать. Мотива глубоко вздохнула. Больше она не будет плакать. Никогда.

- Я буду сильной

- Что с тобой? - Братик сделал небольшой шаг в ее сторону.

- Не подходи! - Она пригрозила ему кинжалом. - Те годы пока ты растил месть, сыновья Кыргена восстанавливали пустыню. Аламир трудился над книгой, что сделала бы нас всех единым народом. Мы все изменились! Кроме тебя. Ты единственный в ком осталась слепая ненависть Кыргена. А значит ты его настоящий наследник! И я должна убить тебя ради мира альянса!

Почти минуту они стояли и просто смотрели друг на друга.

- Я не знал.

- Ты мог сперва спросить меня?!

То кошмарное чувство, когда старался ради любимых, но упрямая уверенность в собственной правоте навсегда отвернула их от тебя.

- Мог. - Сафит озадаченно смотрел на нее. - Ты убьешь меня?

Он растерян? Дурак, ты действительно просто хотел спасти сестрѐнку? Маленький идиот.

- Уходи и прячься. Я расскажу всем, что тут случилось и если они найдут тебя, то обязательно убьют. Мы больше никогда не увидимся. - Она вправду не плакала и говорила уверенным ледяным голосом, которым и будет теперь говорить всегда.

<http://tl.rulate.ru/book/5288/110106>